

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

М. Г. РАБИНОВИЧ

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАСЕЛЕНИЯ МОСКВЫ

Этнический состав населения города обычно бывает много сложнее, чем этнический состав сельского населения. Это обусловлено прежде всего самим характером города как поселения, являющегося центром ремесла и торговли, центром административным и политическим. В эпоху феодализма город представлял собой «факт концентрации населения, орудий производства, капитала, потребностей и способов их удовлетворения, между тем как в деревне мы наблюдаем диаметрально противоположный факт изолированности и разобщенности»¹. С самого своего образования город притягивал к себе как окрестное сельское население, так и людей из более отдаленных областей, а зачастую — и из других стран.

И все же не только города разных стран, но и города разных областей одной и той же страны при наличии множества общих черт обладали обычно и значительными местными отличиями, специфическими, присущими данной местности чертами, обусловленными не только географической и экономической, но и этнической средой, в которой создавался и развивался данный город. Большое значение имеет при этом то этническое ядро, из которого образуется первоначальное население города.

Каждому ясно, что этнический состав населения Москвы должен был быть довольно сложным уже в отдаленные времена. Ведь по крайней мере с той поры, как Москва сделалась одним из крупных феодальных центров древней Руси, как она начала свою борьбу за первенство среди других городов и княжеств, в состав ее жителей вливались как представители различных групп русского населения ближайших и дальних земель, так и потомки угро-финских племен, и татар, и итальянцев-«сурожан», и «немцев», и народов Северного Кавказа и Закавказья. Сюда переселялись ремесленники и купцы из различных земель Московского государства, «выезжали» на службу московским князьям бояре и дворяне из Рязанской, Смоленской, Тверской, Нижегородской и других русских земель и из Литвы, а позднее — из Крыма, Казани, Астрахани, из ногайских и иных земель. Крупные и мелкие феодалы или богатые купцы прибывали в Москву с многочисленными домочадцами и челядью, обычно говорившими на том же языке, что и господа. Из-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, Соч., т. IV, стр. 40—41

вестно, например, что в 1301 г. перешел на службу московскому князю и переселился в Москву черниговский боярин Родion Нестерович, а с ним прибыло из Черниговской земли 700 детей боярских и слуг².

Сложившаяся в Москве издавна культура была настолько сильна, что поселявшиеся здесь представители других национальностей быстро «русели» и обычно уже во втором или третьем поколении сливались с коренным населением настолько, что в дальнейшем только путем специальных исторических изысканий, и то лишь в отдельных случаях, удается установить нерусское происхождение тех или иных знатных московских фамилий³.

Это ядро русского населения Москвы, столь успешно ассимилировавшее в дальнейшем всех представителей других племен и народов, безусловно образовывалось постепенно. Для того чтобы проследить истоки этого процесса, рассмотрим археологические материалы, относящиеся к началу существования города.

К началу железного века (с VII в. до н. э. по V—VII вв. н. э.), а по некоторым данным — и к несколько более позднему времени, относятся в междуречье Оки и Волги памятники так называемой дьяковской культуры. На территории современного города Москвы открыто и исследовано до десятка городищ дьякова типа и дьяковских селищ. Это — Дьяково городище, городище в Нижних Котлах, Мамоново, или Андреевское, городище и селище, Сетунское городище, городище и селище в районе Фили — Кунцево, Гольевское городище, городище у с. Спас, Химкинское селище, городище Барвиха⁴. Но создатели этой культуры — «дьяковцы», независимо от того, являлись ли они ранними северо-восточными славянами (как предполагали одно время) или предками угрофинских племен (как предполагает сейчас большинство исследователей), не могут считаться первоначальным населением Москвы. В то время никакого города здесь не было, хотя и существовало целое гнездо родовых поселков, укрепленных и неукрепленных. Впоследствии многие русские города возникли непосредственно на месте городищ дьякова типа⁵. Однако в Московском Кремле не обнаружено никаких следов дьяковского поселения.

К сожалению, позднедьяковские и раннеславянские памятники междуречья Оки и Волги еще не настолько изучены, чтобы можно было составить сколько-нибудь ясное представление о населении края в VIII—X вв., о колонизации его славянами, об их отношениях с угрофинским населением. Однако уже давно доказано, что Москва возникла и развивалась на территории, заселенной восточными славянами⁶. Исследование найденных в подмосковных курганах черепов XII—XIII вв. показало большую этническую однородность населения этого края и принадлежность его к славянам⁷. Впоследствии были сделаны попытки выде-

² И. Д. Беляев, О великорусском племени, «Записки Общества любителей естествознания, антропологии, археологии и этнографии», т. VI, 1868, стр. 126.

³ Например, В. Л. Снегирев доказал происхождение Тютчевых от сурожанина Дудже, или Тутче, М. Н. Тихомиров — происхождение Ермолиных от сурожанина Василия Капицы (М. Н. Тихомиров, Средневековая Москва, М., 1957, стр. 152—155). Работа В. Л. Снегирева, к сожалению, осталась неопубликованной. (О ней см. П. Н. Миллер и М. Г. Рабинович, Комиссия по истории Москвы, «Историк-марксист», 1940, № 11, стр. 147—150).

⁴ О. Н. Бадер, Материалы к археологической карте г. Москвы и окрестностей, «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), № 7, 1947. См. также составленную нами археологическую карту Москвы к статье «Москва» во 2-м издании «Большой советской энциклопедии» (т. 28, 1954, между стр. 162—163).

⁵ Например, Верей. (См.: Л. А. Голубева, Раскопки в Верейском кремле, МИА, № 12, 1949, стр. 143).

⁶ А. В. Арциховский, Древнейшая Москва, «История Москвы», т. I, М., 1952, стр. 13.

⁷ Д. Н. Анучин, Доисторическое прошлое Москвы, Сб. «Москва в прошлом и настоящем», М., 1912, стр. 47.

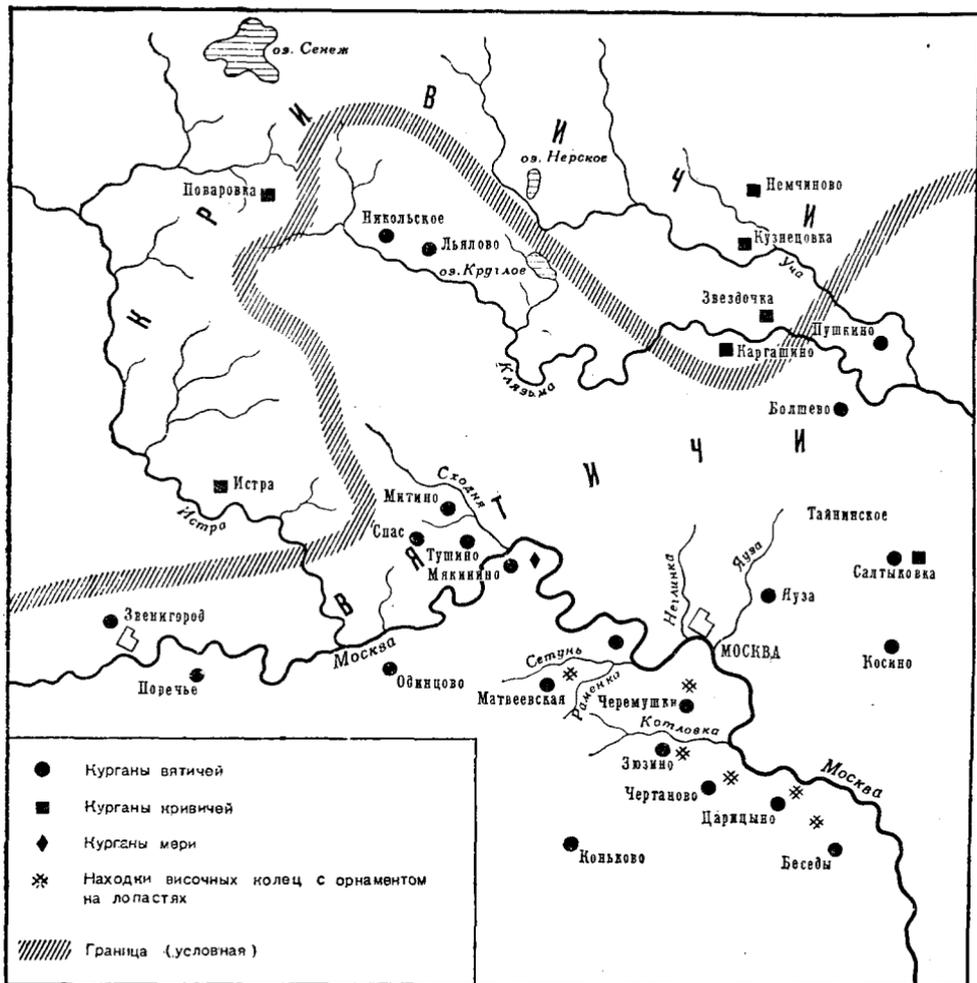

Рис. 1. Граница между вятичами и кривичами в районе Москвы

лить характерные черты вятичских и кривичских черепов⁸. Анализ обряда погребения и найденных в курганах вещей позволил значительно уточнить это определение. Оказалось, что в селах, непосредственно окружавших Москву (ведь курганы — это не что иное, как сельские кладбища), жили вятичи, но в 30—40 км к северу были уже кривичские земли⁹. Граница между кривичами и вятичами проходила к северу от Москвы-реки, образуя в районе водораздела Истры и Клязьмы выступ к северо-западу, в землю кривичей (рис. 1). Потомки кривичей образовали основную массу населения Владимиро-Суздальской, Тверской, Смоленской, Полоцкой и Псковской земель; потомки вятичей — основную массу населения Рязанской и Московской земель. Вместе с новгородскими словенами они впоследствии стали ядром великорусской народности.

Основными признаками, по которым можно определить этническую принадлежность погребенных под курганами людей, являются некоторые детали обряда погребения и главным образом находимые в курганах вещи. Особое значение имеет тот факт, что женщин хоронили в

⁸ Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, «Сов. этнография», 1946, № 1.

⁹ А. В. Арциховский, Курганы вятичей, М., 1930; его же, Основные вопросы археологии Москвы, МИА, № 7, 1947, стр. 19.

праздничном (точнее — в свадебном) наряде. Устойчивость этого обычая «хоронить в чем венчалась» хорошо известна этнографам, и сейчас еще находящим кое-где в деревнях предметы уже исчезнувшей из обихода старинной женской одежды, которые женщины старшего поколения берегут со дня свадьбы до похорон¹⁰.

Еще в конце прошлого столетия А. А. Спицын, сопоставив находимые в курганах различных областей комплексы украшений со сведениями «Повести временных лет» о расселении древнерусских племен, пришел

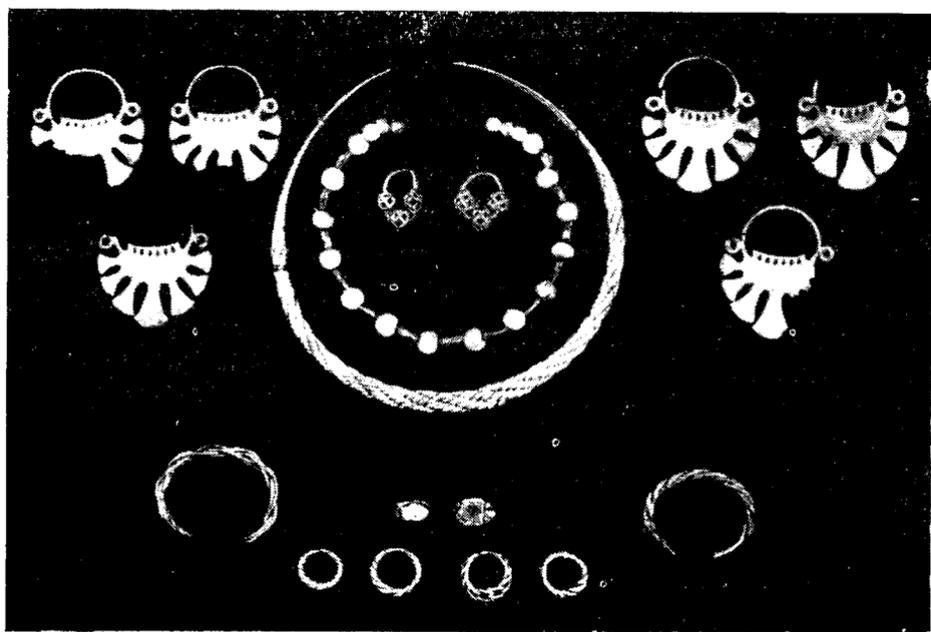

Рис. 2. Женские украшения из вятичского погребения у с. Чертаново: семилопастные височные кольца, ожерелье из сердоликовых и хрустальных бус, гривна, серьги, браслеты, перстни

Музей истории и реконструкции г. Москвы

к выводу, что каждый такой комплекс встречается на территории определенного племени¹¹ (или, как теперь думают, — более крупного объединения, союза племен, — летопись называет их «княжениями»). Конечно, такой комплекс украшений в сочетании с праздничной одеждой представлял собой местный вариант свадебного наряда.

В отношении Подмосковья положения А. А. Спицына были развиты А. В. Арциховским в указанных нами выше работах. А. В. Арциховский, проанализировав большое количество курганных находок, выделил (по нашему мнению, очень убедительно) погребения вятичей и их соседей — кривичей. При этом он опирался на то, что для вятичского наряда характерны семилопастные привески — «височные кольца», ожерелья из круглых хрустальных или стеклянных и граненых («бипирамидальных») сердоликовых бус, пластинчатые загнутоконечные браслеты, ажурные («решетчатые») перстни¹² (рис. 2), а для кривичского на-

¹⁰ Н. И. Лебедева, Одежда, сб. «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР», раздел «Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей (XIX — начало XX в.)», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LVII, М., 1960, стр. 211—212 и др.

¹¹ А. А. Спицын, Расселение древнерусских племен по археологическим данным, «Журнал Министерства народного просвещения», 1899, август.

¹² А. В. Арциховский, Курганы вятичей, стр. 113.

ряда — браслетообразные височные кольца, ожерелья из стеклянных бус, преимущественно битрапецидной и бочкообразной формы (в том числе и с металлической золотой или серебряной прокладкой). Остальные украшения — различные иные типы браслетов, перстней, бус и серег, бубенчиков и другие вещи, о которых нам сейчас нет нужды говорить подробнее, — встречаются как у вятичей, так и у кривичей.

Нужно сказать, что соображения А. В. Арциховского о принадлежности описанных выше комплексов украшений вятичам и кривичам были уже давно подвергнуты критике П. Н. Третьяковым, считавшим, что в отношении того времени, от которого остались курганы с труположением (XII—XIII вв.), неправомерно говорить о кривичах и вятичах. П. Н. Третьяков указывал, что древних племен тогда уже не существовало, а были феодальные княжества; к ним и следует относить соответствующие варианты праздничного наряда. Некоторые украшения (например, стеклянные бусы с золотой и серебряной прокладкой) П. Н. Третьяков вообще считал не этническим, а хронологическим признаком. А. В. Арциховский не согласился с большинством возражений П. Н. Третьякова и к этой полемике, имевшей место более четверти века назад¹³, пожалуй, не стоило бы возвращаться, если бы в последние годы не появились некоторые новые работы, по-иному освещающие материал. М. В. Фехнер, рассмотрев встречающиеся в курганах бусы, вернулась к положению П. Н. Третьякова о том, что бусы не могут служить этническим признаком. Однако мы не можем все же согласиться с ее выводами, поскольку они не вытекают из материала, приводимого в той же статье. Так, о стеклянных бусах с золотой и серебряной прокладкой говорится, что «находки их в земле кривичей так же многочисленны, как и в областях расселения радимичей, вятичей, северян и дреговичей»¹⁴. Мы не можем в настоящее время повторить ту огромную работу, которую проделала М. В. Фехнер, и подсчитать заново все находки таких бус на разных территориях, и поэтому воспользуемся составленными ею же таблицами¹⁵.

Опираясь на приведенный самой М. В. Фехнер материал, можно сказать, что в области вятичей (сейчас мы будем говорить только о вятичах и кривичах) излюбленными были круглые хрустальные и бипирамидальные сердоликовые бусы, а в области кривичей — зонные, битрапецидные и бочкообразные стеклянные бусы с золотой и серебряной прокладкой.

¹³ Подробнее об этом см.: П. Н. Третьяков, Расселение древнерусских племен по археологическим данным, сб. «Сов. археология», IV, М.—Л., 1937; А. В. Арциховский, В защиту летописей и курганов, там же; П. Н. Третьяков, Археологические памятники древнерусских племен, «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 85, 1949.

¹⁴ М. В. Фехнер, К вопросу об экономических связях русской деревни, Труды Государственного исторического музея, вып. 33, 1959, стр. 116.

¹⁵ К сожалению, М. В. Фехнер учитывала находки не по древним областям расселения племен, а по нашему современному административному делению, так что выделить точно находки на территории кривичей не представляется возможным. Но даже грубый подсчет находок стеклянных зонных, битрапецидных и бочкообразных бус с золотой и серебряной прокладкой показывает, что в Псковской, Ленинградской, Калининской, Ярославской, Владимирской, Ивановской и Смоленской областях (т. е. на территории, в древности преимущественно заселенной кривичами) их было 73%, а в Московской, Брянской, Калужской и Рязанской областях (там, где жили вятичи) — всего 24% (Указ. раб., табл. IV, рис. 3, № 3—5). Это соотношение еще увеличится в пользу кривичей, если учесть, что значительная часть Московской области, которую мы условно посчитали целиком вятичской, была заселена также кривичами и находки бус указанного типа приходится преимущественно на эту часть Московской области (в Смоленской же области, условно принятой целиком кривичской, могло быть лишь незначительное количество радимичских памятников). Найдки хрустальных бус преимущественно (на 71%) относятся к указанным выше южным областям (кроме Брянской, где есть всего одна находка), и 28% таких бус найдено в северных областях (табл. II). Несколько слабее это соотношение выражено в находках сердоликовых бипирамидальных бус. Их найдено около 64% на юге и 36% на севере (табл. III).

Нужно сказать, что совершенно правильно намеченное А. А. Спицыным различие восточнославянских курганных древностей не всегда соответствует одним и тем же отрезкам времени, поскольку самый обряд погребения трупа под курганом распространялся не одновременно; у одних племен он уже давно исчез, тогда как другие еще только начинали его применять. Так, поляне не оставили крестьянских курганов с трупоположениями — влияние городской культуры Киева было у них слишком сильно, — а вятичи еще в XI в. сжигали своих покойников (что и отметил летописец) и только в XII в. стали хоронить под курганом несожженный труп. У кривичей этот обычай распространился, видимо, несколько раньше.

Но все эти обстоятельства не могут заставить нас отказаться от использования для историко-этнографических исследований такого важного признака, как присущий племени женский наряд, тем более что именно этнографические материалы показывают очень длительное переживание ряда основных особенностей женской одежды и украшений. Мы не можем, разумеется, установить в точности, каков был наряд вятичских женщин в XI в., когда умерших сжигали вместе с их украшениями, и вынуждены предположить, что наряд этот должен был быть схож с тем, который удастся проследить по памятникам XII—XIII вв. Следует констатировать, что А. В. Арциховский был совершенно прав, считая определенные комплексы украшений признаками наряда вятичских женщин, а другие комплексы — признаками наряда кривичей.

Конечно, вятичи как племя или союз племен просуществовали лишь до конца XI — начала XII в. С ними, как известно, воевал еще Владимир Мономах. И в эту пору у них уже были свои города и своя (по всей вероятности, феодальная) знать. Стало быть, родоплеменные порядки отошли уже в прошлое. Еще в большей степени это можно сказать про кривичей. В середине же XII в. и позднее (а большинство исследованных курганов Подмосковья относится к XII—XIII вв.) и вятичи и кривичи уже были в большинстве своем крестьянами, населявшими Смоленское, Полоцкое, Владимиро-Суздальское, Рязанское и Черниговское феодальные княжества, а потом и вновь образовавшиеся Тверское и Псковское. Границы этих княжеств часто менялись, но население, несмотря на это, сохраняло древние традиции. В особенности это можно сказать о вятичах, которые позднее других восточнославянских племен вошли в «империю Рюриковичей» и долго сохраняли черты самобытности, в частности в погребальных обрядах и в одежде. Встречающиеся так часто в Подмосковье небольшие группы курганов представляют собой, как было сказано, сельские кладбища, где погребены жители деревень и сел — крестьяне, в подавляющем большинстве своем потомки вятичей.

Итак, судя по материалам раскопок курганов, Москва с самого своего возникновения была окружена селами вятичей. Но в этот однородный славянский вятичский массив вкрапливались изредка и иные элементы. Характерные для вятичских женщин украшения — семилопастные привески («височные кольца»), ожерелья из белых шарообразных хрустальных и красных бипирамидальных сердоликовых бус, решетчатые перстни — находят не во всех женских погребениях этих мест, даже относящихся к той поре, когда они еще не вышли из моды. Мы говорим в данном случае не о единичных погребениях кривичских и даже словенских женщин в вятичских курганных группах (и, разумеется, вятичских женщин — в кривичских); эти случаи легко объяснимы, если учесть возможность патрилокальных браков между потомками разных племен, наряду с экономическими факторами, немало способствовавших отмиранию прежней племенной обособленности, созданию основы великорусской народности. В данном случае мы говорим о включениях в

вятичские курганные кладбища более или менее значительных групп курганов, под которыми погребены, судя по некоторым особенностям погребального обряда и по находимым в этих курганах женским украшениям, не вятичи, а потомки иных племен, славянских и неславянских. Так, по предположению А. Л. Монгайта, курганная группа, расположенная у современного поселка Салтыковка, к юго-востоку от Москвы, представляет кладбище, где в одно и то же время — в XII в. — хоронили и вятичи и кривичи, причем курганов с украшениями, типичными для кривичей, было едва ли не больше, чем курганов с украшениями, типичными для вятичей¹⁶. В другом курганном кладбище из ближнего

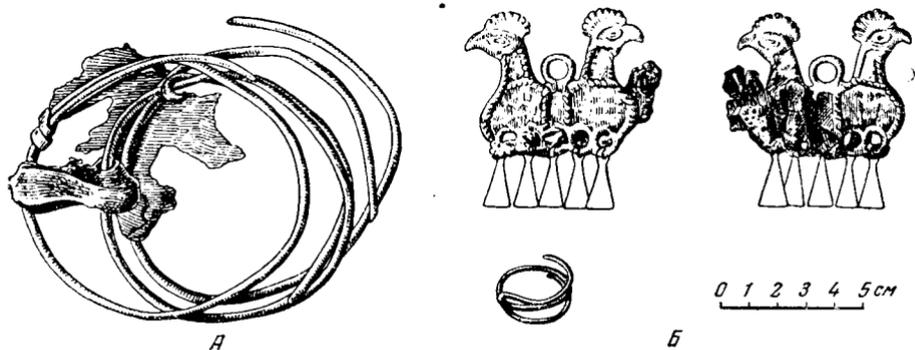

Рис. 3. Женские украшения из курганов групп: А — Салтыковка (кривичское погребение) и Б — Мякинино (погребение девушки угро-финского происхождения)

Подмосковья — у д. Мякинино, находящейся на берегу р. Москвы, возле Рублева, нами была обнаружена в 1948 г. компактная группа курганов, несколько отличавшихся по обряду погребения от других курганов той же группы, раскопанных ранее В. А. и М. В. Городцовыми¹⁷. В основном в Мякининских курганах были вятичские погребения; в расположенных же несколько особняком (на расстоянии примерно 40 м от других) курганах обряд погребения отличался тем, что над гробом, иногда на самой его крышке, а иногда на уровне верха могильной ямы были положены группами довольно крупные (диаметром до 45 см) валуны. Такие кучки валунов, по два-три вместе, лежали обязательно в головах покойника, а иногда также в ногах и в области таза¹⁸. Среди этих курганов оказалось всего два сходных женских погребения. В одном из них была найдена серебряная «шумящая» привеска, совершенно схожая с бронзовыми привесками, встречающимися в погребениях угро-финских племен — предков мери, в частности в костромских курганах (рис. 3). Височные кольца обеих женщин не славянские; найденные тут же пластинчатые загнутоконечные браслеты встречаются как в вятичских, так и в мерянских костромских курганах. Курганная группа Мякинино датируется концом XII — первой половиной XIII в., по всей вероятности, — до татарского нашествия.

Чем объяснить подобные включения невятичских курганов в вятичские курганные группы? Нам кажется правомерным предположить, что поселения, оставившие эти могильники, имели смешанный этнический

¹⁶ А. Л. Монгайт, Салтыковские курганы, МИА, № 7, стр. 86—87.

¹⁷ М. В. Городцов, Вятичские курганные погребения близ деревни Мякининой Московской губернии и уезда, Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, М., 1928. См. также: А. В. Арциховский, Курганы вятичей, стр. 183.

¹⁸ М. Г. Рабинович, Отчет о раскопках курганной группы Мякинино в 1948 г. Архив Института археологии АН СССР, ф. 1, № 216.

состав. Среди основного вятичского населения в этих деревнях и селах жили в Салтыковке кривичи, в Мякиnine — какие-то волжские финны, вернее всего — меряне. В Мякиnine это могла быть даже одна семья. А. Л. Монгайт объясняет смешанный этнический состав жителей Салтыковки (назовем так условно поселение, оставившее Салтыковские курганы) положением этого поселка близко к границе древних вятичских и кривичских земель¹⁹. Крестьяне различного происхождения могли оказаться в одной деревне в эпоху феодализма и в результате переселения крестьян, принадлежащих одному феодальному владельцу,

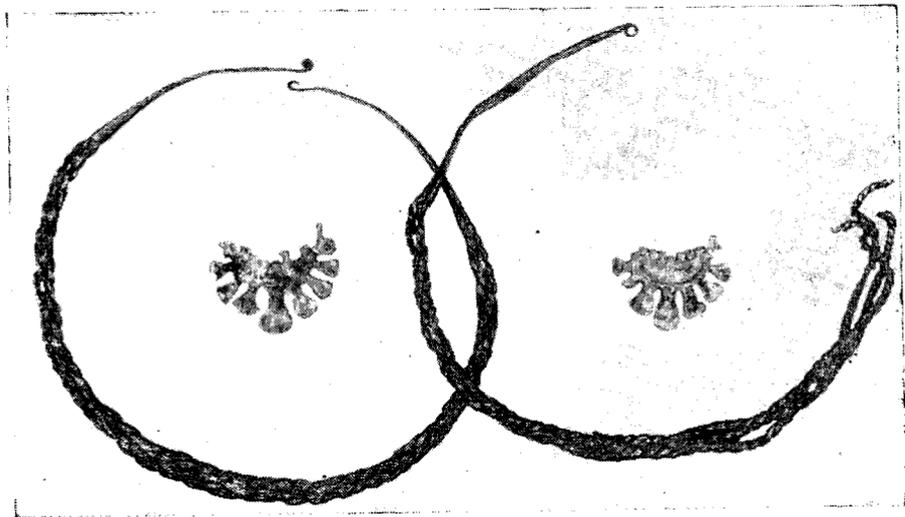

Рис. 4. Гривны и семилопастные височные кольца, найденные на территории Московского Кремля в 1847 г.

из одной деревни в другую, иногда даже находящуюся на значительном расстоянии. (Позднее, при крепостном праве это называлось «вывод»). Так, в район Салтыковки крестьяне могли быть выведены из близлежащих кривичских, а в район Мякинина — из мерянских земель в подмосковное владение какого-либо феодала.

Итак, по археологическим материалам могут быть выявлены различные этнические элементы населения. Мы видели, что в окружающих Москву деревнях уже в XII—XIII вв. можно проследить включения в основной вятичский этнический массив отдельных, пока еще не слишком многочисленных, групп невятичского населения. А как вырисовывается этнический состав населения самого города в начальный период его существования? Представление об этом должен дать материал из древнейших центральных районов Москвы — Кремля и прилегающего к нему Зарядья, датирующийся XI—XIII вв.²⁰

Еще в конце прошлого столетия И. Е. Забелин обратил внимание на найденные в 1847 г. при строительстве нового здания Оружейной палаты на территории Кремля шейную гривну и «рясы» — серебряные семилопастные височные кольца (рис. 4). Высокое качество серебра, из которого

¹⁹ А. Л. Монгайт, Указ. раб., стр. 87.

²⁰ О датировке нижних горизонтов культурного слоя Москвы см.: А. Ф. Дубынин, К истории московского посада, «Краткие сообщения ИИМК», вып. 68, 1956, стр. 123; М. Г. Рабинович, Материалы для истории Великого посада Москвы, Труды Музея истории и реконструкции г. Москвы, вып. V, М., 1954, стр. 80—82; его же О начальном периоде истории Москвы, «Сов. археология», 1958, № 3.

были сделаны «рясы», привело ученого к выводу о «богатстве жителей кремлевской горы».

«При этом должно заметить,— писал И. Е. Забелин,— что форма упомянутых серег — рясы о семи лепестках — составляет отличительный признак древнего женского головного убора, находимого только в Московской стороне чуть не в каждом кургане и очень редко в более отдаленных от Москвы местностях, так что по этим серьгам можно малопомалу выследить границы собственно примосковского древнего населения, имевшего, как видно, особый тип в уборе, указывающий на осо-

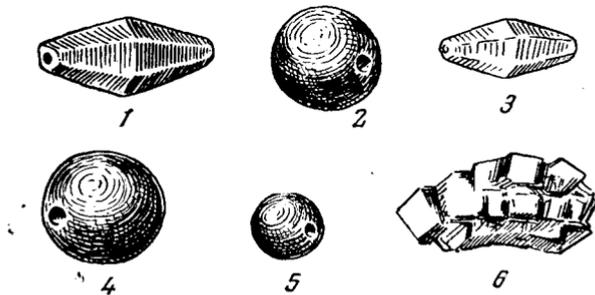

Рис. 5. Бусы и кусок горного хрусталя, найденные в Московском Кремле и в Зарядье: 1 — бипирамидальная сердоликовая бусина; 2, 4, 5 — шарообразные хрустальные бусы; 3 — бипирамидальная хрустальная бусина; 6 — кусок горного хрусталя

бенность культуры этого племени. Таким образом, благодаря этим памятникам курганной эпохи мы получаем вернейшее свидетельство не только о тысячелетней давности кремлевского поселка, но и о бытовых особенностях окружавшего его населения»²¹.

В ту пору семилопастные височные кольца не рассматривались еще как определенный этнический признак славян и более узко — вятичей. Упомянутая работа А. А. Спицына «Расселение древнерусских племен по археологическим данным» появилась два года спустя. Обстоятельства, при которых была сделана за полвека до появления работы И. Е. Забелина находка височных колец в Кремле, остались невыясненными, что повлекло за собой в дальнейшем ряд недоразумений, вплоть до высказанного несколько лет назад, в 1957 г., утверждения, будто на кремлевском холме в XII в. поселения не было, а был курганный могильник²².

Отдельные предметы племенного убора вятичей встречались в нижнем горизонте культурного слоя центральных районов Москвы. На территории московского посада, в Зарядье, были найдены круглые хрустальные и стеклянные, а также сердоликовые бипирамидальные бусы²³ (рис. 5). Найденный в Зарядье небольшой кусок горного хрусталя мог служить для изготовления хрустальных бус²⁴.

На территории нижней части посада больше не найдено украшений, которые имели бы те или иные характерные черты какого-либо племени. Но при раскопках нагорной его части, на территории современного Кремля, такие украшения встретились. Нужно отметить, что площадь,

²¹ И. Е. Забелин, Изыскания о древнейшем первоначальном поселении Москвы, Труды VIII археологического съезда, ч. 3, М., 1897, стр. 3—4.

²² Р. Л. Розенфельдт, К вопросу о начале Москвы, «Сов. археология», 1957, № 4.

²³ Музей истории и реконструкции г. Москвы, оп. МЗ-49, №№ 5712, 5756.

²⁴ Там же, оп. МЗ-51, № 396.

на которой был распространен домонгольский культурный слой, оказалась гораздо больше, чем предполагали ранее. На север этот слой простирался примерно до современного здания Арсенала, на запад — спустился вниз по склону тогдашнего берега р. Неглинной, немного не достигая линии современной Коммунистической улицы, на северо-востоке — прослеживался до начала Ивановской площади. Территория эта, по-видимому, выходила за пределы древнейшей крепости. Это мог быть и в те времена неукрепленный городской посад, обнесенный стенами не ранее второй половины XII в. В горизонте культурного слоя, насыщенном щепой и датированном началом или серединой XII в., найдено несколько обломков бронзового семилопастного височного кольца, к сожалению, не позволяющих восстановить его форму во всех деталях²⁵. Другое бронзовое кольцо сохранилось лучше; из обломков удалось собрать больше половины его (см. рис. 6). Оно лежало под слоем щепы, в предматериковом слое, который в этом месте датируется началом XII в.²⁶ Эта привеска относится по классификации А. В. Арциховского к типу семилопастных простых, наиболее распространенных среди вятичских древностей. Мы видим, что оба этих височных кольца, в отличие от найденных в 1847 г., — не серебряные, а бронзовые: они не говорят об «особом богатстве жителей Кремлевской горы». Может быть, следует объяснить это тем, что найдены они не в центральной части тогдашнего поселка, а на его окраине, на посаде, где жил в то время простой люд.

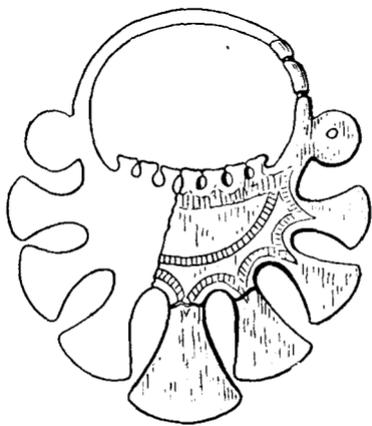

Рис. 6. Части семилопастного височного кольца, найденные при раскопках в Московском Кремле в 1959 г.

В нижнем горизонте культурного слоя Кремля, неподалеку от описанных только что височных колец, найдено также несколько круглых хрустальных бус, так называемых «шарообразных» (рис. 5, 4, 5)²⁷. В том же слое была найдена оригинальная хрустальная бусина бипирамидальной формы, какой чаще бывают сердоликовые бусы²⁸. Наконец, на краю древнего городища, у склона берега р. Неглинной в нижнем горизонте коричневого слоя, датированном серединой XII в., найдена еще одна хрустальная шарообразная бусина²⁹. Стекланная шарообразная бусина, какие типичны для подмосковных курганов, в Кремле найдена одна³⁰. Из вещей, часто встречающихся в вятичских курганах, но не составляющих специфического признака вятичей, в Кремле найдены стеклянные рыбовидные бусы, бронзовый бубенчик, бронзовые витые браслеты³¹.

Находка в Зарядье горного хрусталя позволяет предположить, что в Москве в древнейший период ее существования было и производство хрустальных бус. Иначе нам трудно объяснить, как попал в культурный

²⁵ Музей истории и реконструкции г. Москвы, оп. МКр-59, р. II, № 187.

²⁶ Там же, № 292.

²⁷ Там же, № 270, 271, 320. Дата этих находок — начало и середина XII в.

²⁸ Там же, № 295. Аналогичные бусы (впрочем, несколько отличающиеся от кремлевской) составляют около 4% находок хрустальных бус в курганах Московской области и датируются обычно временем с IX вплоть до XII в. См.: М. В. Фехнер, Указ. раб., стр. 155—156.

²⁹ Музей истории и реконструкции г. Москвы, оп. МКр-59, р. I, № 132.

³⁰ Там же, оп. МКр-59, р. II, № 297.

³¹ Там же, оп. МКр-59, р. II, № 263, 268, 293, 367, МКр-н-59, № 1.

слой московского посада этот кусок горного хрусталя, залежей которого, по имеющимся сведениям, в районе Москвы не было. Находка его на подоле городка, вблизи от древней пристани, показательна. Кусок мог потеряться при выгрузке с корабля сырья для московских ремесленников.

Известно, что в крупных русских городах до татарского нашествия производство хрустальных бус достигало весьма значительных размеров. В Киеве была открыта разоренная татарами землянка — мастерская ремесленника, по полу которой было рассыпано множество бус. Всего их оказалось 1339, в том числе 1274 хрустальных и 65 сердоликовых. М. К. Каргер предполагает, что мастер хранил бусы в большой амфоре — «корчаге», обломки которой были найдены тут же, и что этому человеку удалось бежать, унося с собой часть бус в отбитом днище корчаги. Таким образом, можно предполагать, что количество бус, одновременно находившихся в мастерской, превышало полторы тысячи. Среди найденных бус есть недосверленные и сломанные (видимо, недоделки и брак производства)³².

Городские, в частности московские, ремесленники, разумеется, могли делать для окрестных крестьян и горожан не только бусы, но и другие украшения, входившие в традиционный свадебный наряд, например, височные кольца. При раскопках в Москве пока не найдено каких-либо следов производства височных колец, но обращают на себя внимание находки в окрестностях города семилопастных и более поздних пятилопастных колец, у которых орнамент расположен не только на щитке, но и на лопастях. Височные кольца с прочерченными на лопастях крестиками встречены на курганных группах Черемушки и Матвеевская; крестики более сложного начертания — с ромбической сердцевинкой — имеются на боковых лопастях височных колец также из Матвеевской, Зюзина и Дубков (неподалеку от Царицына). На центральных лопастях этих колец прочерчен различными способами орнамент в виде переплетающихся эллипсов, образующих заглавную букву «О», какую употребляли в рукописях XIII в. Наконец, в Матвеевской, Чертанове, Орешкове (вблизи Царицына) и Веригине найдены височные кольца (или части их) со своеобразным литым орнаментом, аналогии которому находят в памятниках мусульманского Востока.

В. И. Сизов, впервые обративший внимание на эти оригинальные височные кольца, считает их изделиями арабских мастеров³³. А. В. Арциховский, учитывая сочетание на височных кольцах этого типа элементов восточного и типично русского народного орнамента, предполагает, что они сделаны русскими мастерами и что можно говорить лишь об известном художественном влиянии Средней Азии³⁴. Г. П. Латышева, опубликовавшая находку из курганной группы Матвеевская II, высказала предположение, что эти височные кольца могли быть сделаны городскими мастерами³⁵. Если принять предположение Г. П. Латышевой, то станет понятной группировка находок таких височных колец в непосредственной близости от Москвы (см. рис. 1). Во всяком случае, как орнамент, испытавший на себе влияние Востока, так и начертания ини-

³² М. К. Каргер, Древний Киев, т. I, М., 1958, стр. 327. С тем, что хрустальные бусы могли выделываться и в древнерусских городах, вынуждена согласиться и М. В. Фехнер, считающая вообще, что эти бусы восточного происхождения. (Указ. раб., стр. 173.)

³³ В. И. Сизов, О происхождении и характере курганных височных колец и преимущественно так называемого московского типа, «Археологические известия и заметки», 1895, № 6, стр. 182 и табл., рис. 9 и 10.

³⁴ А. В. Арциховский, Царицынские курганы, МИА, № 7, стр. 80—81, рис. 3.

³⁵ Г. П. Латышева, Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 г., «Материалы к изучению подмосковного села XIII—XIV вв.», Труды Музея истории и реконструкции г. Москвы, вып. V, М., 1954, стр. 49—50, рис. 5.

циалов русских рукописей могли проникнуть в подмосковные села не иначе, как через город Москву.

Выше мы описали те украшения, относящиеся к вятичскому праздничному женскому убору, которые удалось найти в Москве. Их немного, но ведь и вообще в древнерусских городах находят сравнительно мало украшений, типичных для древних племен. Это вполне естественно, так как городское население быстрее, чем сельское, изживало эти пережитки старины. Да и употреблявшиеся в быту украшения попадали в культурный слой городов лишь случайно, — когда их теряли, ломали, выбрасывали или пускали в переработку. Часть такого серебряного височного кольца была найдена в мастерской ремесленника в Перемышле Московском. Мастер, видимо, использовал его просто как материал для каких-то поделок и уже обрубил все лопасти и кусок основного щитка, но и по оставшейся части с

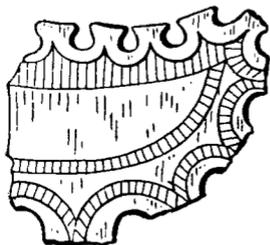

Рис. 7. Часть семилопастного височного кольца, найденная в Перемышле Московском в 1955 г.

характерным для семилопастных колец орнаментом легко можно определить, что это было семилопастное височное кольцо (рис. 7). Подобные обстоятельства обусловили то, что в культурном слое Москвы гораздо больше находок, например, фрагментов стеклянных браслетов, какие носили во всех русских городах и некоторых селах, чем вятичских бус, перстней и височных колец³⁶.

Обращает на себя внимание то, что в древнейших горизонтах культурного слоя Москвы найдены вятичские вещи, а украшений, характерных для какого-либо другого из славянских или угро-финских племен, не найдено вовсе. Нет, например, ни одного украшения, характерного для кривичей, поселения которых подходили так близко к древнему городку. Между тем, именно находки кривичских украшений могли иметь место в Москве не только потому, что кривичи были ближайшими соседями, но и потому, что эти крестьяне могли быть приведены Юрием Долгоруким из его суздальских владений, — ведь там жили в основном потомки кривичей. А если принять известное положение, что Москва была основана Юрием Долгоруким в 1147 г., то следовало бы предположить и участие в создании города какого-то более сильного кривичского элемента. Но этого в археологических материалах, как мы видели, не наблюдается.

Известны случаи, когда князь, основывая город, населял его людьми, приведенными в эти места из различных других своих владений. При раскопках множества курганов в непосредственной близости от городка Гочева б. Курской губернии, являвшихся, по-видимому, кладбищем этого городка, были, например, найдены украшения северян и радимичей³⁷. Б. А. Рыбаков предполагает, что уже при основании феодального города здесь были поселены люди из различных племен. В других городах, первоначальные поселенцы которых происходили из какого-либо одного племени, находят украшения других племен потому, что эти города уже в древности сделались крупными центрами ремесла и торговли, куда приходили из других (иногда довольно отдаленных) земель. Таковы были, например, Киев и Великий Новгород. В Новгороде в слоях XI и

³⁶ Нужно, однако, заметить, что отдельные находки семилопастных височных колец встречены, кроме уже упомянутых Москвы и Перемышля Московского, во многих вятичских городах — Дуне, Серенске, Перекше, Тешилове, Старой Рязани, Переяславле Рязанском и др. См.: А. В. Арциховский, Курганы вятичей, стр. 47; А. Л. Монгайт, Рязанская земля, М., 1961, стр. 129.

³⁷ Д. Я. Самоковасов, Атлас гочевских древностей. Приложение к дневнику раскопок, М., 1915, табл. 17—20, 22, 25, 27, 28, 37, 40, 41, 44, 45.

XII вв. найдены височные кольца не только новгородских словен, но и соседних кривичей и более далеких вятичей и радимичей³⁸. В Киеве, где в XI—XII вв. характерные черты убора древнерусских племен были уже основательно стерты, можно все же найти височные кольца тиверцев³⁹. Москва не являлась в XI—XIII вв. таким крупным центром; она стала им лишь позже.

Очевидно, в начальный период существования города население его состояло из вятичей. Это был местный центр ремесла и торговли, выросший среди вятичских сел и населенный вятичами же.

SUMMARY

The ethnic composition of the urban population is invariably more complicated than that of the rural population. Yet in each country the towns have a specific national character, which mostly depends on how vital the culture of the initial ethnic nucleus of the town's population, and whether it could subsequently assimilate new migrants. In Moscow the initial settlers who successfully assimilated all later elements were the Vyatichi Slavs, as testified by the finds in Moscow and its environs of Vyatichi women's adornments. Some of these had been manufactured directly in Moscow. In the 11th-12th centuries Moscow was a small town lying among Vyatichi villages, not far from the border with the Krivichi Slavs. The Vyatichi Slavs constituted the original population of Moscow.

³⁸ М. В. Седова, Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.), МИА, № 65, 1959, стр. 224—225.

³⁹ М. К. Каргер, Указ. раб., табл. 27.